

Обвенчанный с удачей

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

– Во всем мире сейчас культивируют подобной молодежи, чей идеал – «Матрица», полуирисованные-полувиртуальные персонажи, поверхностные и довольно путающие.

– Осенью вы участвовали в совещании молодых писателей – каковы впечатления? Приметили кого-то стоящего?

– Я их не читал, рассказывали о жанре романа, об американских впечатлениях... Там были совсем молодые люди, даже до 20 лет. Я сказал им, что в 20 лет нельзя стать писателем, примеры Франсуазы Саган и Анатолия Гладилина – исключительны. К 30 годам – можно.

– Вы частенько восхищаетесь молодостью. Если цель земного бытия – самоусовершенствование, отход от биологического существования и выход из тварного мира (цитирую вас), то восхищения достойна мудрая ста-

рость. А не молодость, чья жизнедеятельность строится на гормональном взрыве.

– Все достойно восхищения – и старость, и молодость. Человек проходит разные фазы – роста, зрелости, увядания... Я считаю, что время – это и есть изгнание из рая. В потоке времени мы проходим путь Адама – из рая в рай. Или в ад, по выслуге. Что касается гормонального взрыва... Секс – замечательная вещь, дарованная нам Богом.

– Отвечая на вопрос, боитесь ли вы смерти, вы сказали, что боитесь не смерти, а того, что за ней. Что вы имели в виду?

– Непостижимость. Никто не знает, что там...

– Вернемся к литературе. Вышли ваши книги «Десятилетие клеветы» – сборник очерков, написанных в свое время для Радио «Свобода», и «Американская кириллица». Что собой представляет последняя – переиздание?

– Нет, не совсем, там есть новые тексты, есть фрагменты из книг, рассказы. Это часть проекта, связанного с юбилеем американской премии «Либерти», которая вручается за выдающийся вклад в русско-американскую культуру. Директор издательства «Новое литературное обозрение» Ирина Прохорова задумала издать серию книг, написанных лауреатами и посвященных Америке. Вот, вспомнил, «Либерти» – единственная премия, которую я до Букера получал. В этой книге – ни политики, ни полемики, она об американской теме в моих писаниях. Вернее, об американской теме как о строительном материале романа. Пишу о том, как Америка превращается в художественную метафору.

– Когда я с месяцем назад звонила вам в Биарриц, вы обмолвились, что заняты сценарием.

– Тогда в Биаррице я писал сценарий по «Острову Крым», для кого – не скажу.

– И не говорите, и слышать не хочу для кого – после надругательства над «Московской сагой», из которой сделали сериалное мыло.

– Да нет, есть там и хорошие места, если бы я был рядом и давил на режиссера, он сделал бы фильм лучше... Конечно, переписывать и упрощать характеры – это чума. Жалко мне, что в сериале не осталось польских событий.

– Еще бы в 22-х сериях не нашлось пары-тройки хороших мест при замечательнейших актерах и такой первооснове!

– И однако вся критика перечеркивается высоким рейтингом сериала.

– Василий Павлович, да вы двурушник: за сужение круга читателей, но за расширение круга зрителей. У любимого вами канала «Культура» невысокие рейтинги. Подводя итоги: хорошо, что благодаря сериалу взлетели тиражи. Обидно, что кое-где в перио-

дике стали погибывать – мол, плох-де сам роман.

– Пишут – гады, причем в совершенно совковом духе. Я сам стал его перечитывать – очень неплохо. Есть ощущение того, что ты был захвачен материалом, когда писал, а не выполнял механическую работу. Читая какую-то вещь, можно сразу заметить, испытывал ли ее автор во время процесса вдохновение. Если вдохновения не было, роман получается неполноценным. И, разумеется, необходима ностальгия. Литература без ностальгии – халтура. У меня ностальгия по 60-м годам, дикая ностальгия по Серебряному веку. Причем первоначально она возникла не от литературы, а от питерских подъездов, сплетения гнутого металла в стиле русский модерн... В некоторых случаях ностальгия воплощается в музыке, в картине, в некоторых – только проносится в душе. Литература – это и есть ностальгия, по времени, по человеку, по прожитой жизни.

с 13-14

19